

УДК 1(091)

Прокопенко В. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ПЛАТОНОВСКИЙ ВОПРОС В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

В статье рассматривается история проблемы, известной, как Платоновский вопрос. Автор обобщает многочисленные варианты прочтения диалогов Платона и выделяет несколько устойчивых традиций, таких, как догматизм (доктринализм), генетический подход, эзотерический и драматический подходы. Он считает, что в наше время, благодаря толерантности драматического подхода, открывается путь к широкому изучению платоновского нарратива, а противостояние различных традиций уступает место сотрудничеству в создании новых подходов к текстам Платона.

Ключевые слова: Платоновский вопрос, диалог, догматизм, генетический подход, эзотерический подход, драматический подход.

У статті розглядається історія проблеми, відомої, як Платонівське питання. Автор узагальнює численні варіанти прочитання діалогів Платона і виділяє кілька стійких традицій, таких, як догматизм (доктриналізм), генетичний підхід, езотеричний і драматичний підходи. Він вважає, що в наш час, завдяки толерантності драматичного підходу, відкривається шлях до широкого вивчення платонівського наративу, а протистояння різних традицій поступається місцем співпраці у створенні нових підходів до текстів Платона.

Ключові слова: Платонівське питання, діалог, догматизм, генетичний підхід, езотеричний підхід, драматичний підхід.

The article examines the history of a problem known as Platonic question. An author summarizes the numerous variants of reading Plato's dialogues, and identifies several sustainable practices such as dogmatism (doktrinalizm), developmentalism, esotericism and dramatic approach. He believes that nowadays, due to the tolerance of the dramatic approach, appears the way for a broad study of Plato's narrative and the confrontation of different traditions giving way to cooperation in the establishment of new approaches to the texts of Plato.

Keywords: Platonic question, dialogue, dogmatism, developmentalism, esotericism, dramatic approach.

В данной статье мы продолжаем исследование [см. 9] *проблемы*, известной, как «Платоновский вопрос». Платоновский вопрос носит комплексный характер и включает в себя три основных вопроса: об аутентичности, т.е. об авторстве Платона в отношении текстов, входящих в *Corpus Platonicum*, о хронологии создания этих текстов и, наконец, о содержательной взаимосвязи текстов Платона, их месте и роли в экспликации платоновских идей. Идея, связавшая понимание философии Платона со способом прочтения его диалогов, с направленным текстологическим вниманием, появилась не так давно – древние проявляли не так много внимания к вопросу об организации корпуса платоновских сочинений. Опыты кодификации платоновских сочинений, предпринятые Аристофаном-грамматиком, Трасиллом или Диогеном Лаэртским, так же, как и канон Ямвлиха, преследовали цели скорее прагматически-педагогического, чем герменевтического характера [* 1]. Платоновский вопрос в своём нынешнем виде явился результатом филологического ренессанса в Германии конца XVIII – начала XIX в. Как утверждает один из наиболее значительных современных исследователей платоновского корпуса Хольгер Теслефф, «вне германской сферы влияния не было никакого «Платоновского вопроса». Платон и платонизм интерпретировались, как правило, в соответствии с унаследованной традицией и вопросам датировки или аутентичности диалогов уделялось мало внимания» [34, с. 3]. И в XIX веке также не все приняли тезис о важности исследований организации платоновских текстов для приближения к пониманию философии Платона – ярким примером здесь может служить позиция Г.В.Ф. Гегеля, с нескрываемым раздражением отзывавшимся о попытках привлечь внимание к способу представления философии в произведениях Платона [5, с. 131]. Тем не менее, именно в Германии первой половины XIX века были сделаны первые плодотворные попытки найти ключ к мысли Платона в слове Платона, которые в платоноведении XX века получили продолжение в многочисленных и разнообразных опытах исследования платоновских текстов.

В начале нового тысячелетия традиционные методологические подходы к текстологическим исследованиям творчества Платона все еще находятся, по большей части, в отношениях отрицания и критики, а еще чаще – взаимного игнорирования с теми новациями, которые возникли в решении платоновского вопроса в последние несколько десятилетий.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы представить это многообразие интерпретативных стратегий как проблему, которую необходимо осмыслить, выделив основные традиции прочтения Платона, провести сравнительный анализ этих традиций и попытаться прийти к синтезу того ценного, что в них достигнуто. Тем самым, по нашему мнению, можно приблизиться к *новому*, более объемному видению платоновского вопроса, наметить возможные перспективы его разрешения, что должно привести и к более глубокому пониманию платоновской философии в целом.

Особенно *актуальной* эта тема представляется нам в свете того, что отечественные исследования Платона все еще не могут выйти за пределы того видения Платона, которое было задано В.С. Соловьевым и А.Ф. Лосевым. В немногочисленных историко-философских работах отечественных авторов «Лосевский» Платон зачастую представляется не просто лучшим, а, вообще, единственно возможным. Между тем, мировое платоноведение за последние десятилетия предложило ряд новых и весьма продуктивных подходов к пониманию природы платоновских текстов и, соответственно, продвинулось к качественно иному пониманию платоновской философии. *К сожалению, этот опыт пока не получил практически никакого освещения ни в украиноязычной, ни в русскоязычной литературе:* в качестве исключения мы можем назвать только публикации Т.В. Васильевой (блестящая, хотя уже и несколько устаревшая статья 1993 г. [2]) и И.Н. Мочаловой [8].

Догматическая (доктринальная, унитарная) **традиция** в платоноведении последних двух столетий являлась, безусловно, доминирующей и именно на принципах догматического видения Платона почти всегда строились учебные тексты и популярные изложения платоновской философии. Основоположником традиции следует считать Ф. Шлейермахера, который в предисловии к своему знаменитому изданию Платона [29] сформулировал ее основные методологические принципы [* 2].

Шлейермахер выдвинул тезис о том, что за несистемностью, непоследовательностью и тематическим разнообразием платоновских диалогов скрывается органически цельное, концептуально единое учение, которое может быть отделено от последующих неоплатонических его версий. Понимание каждого отдельно взятого диалога возможно только при условии понимания учения в целом. Концептуальным ядром философии Платона Шлейермахер считает теорию идей и распределяет платоновские диалоги на три группы, исходя из степени отчётливости, с которой в них выражена эта основа учения. Герменевтический подход Шлейермахера порывает с романтическим представлением о том, что единство платоновского учения обусловлено свойствами личности и обстоятельствами жизни Платона – не философ свободно создает учение, но само имманентное развитие нескольких идей, составляющих главную концепцию, разворачивает широкую панораму мысли. Оппонентами Шлейермахера выступили К.Ф. Герман и Ф. Аст, которые отрицали (хоть и на разных основаниях) статическую и монистическую концепцию Шлейермахера. Тезис о написании диалогов по продуманному ещё в юности плану, действительно, выглядит как несколько «несообразный с действительными условиями писательства вообще и Платона в особенности» [10, с. 459]. К. Германн предложил связать изменения в проблематике, философской глубине, уровне художественного мастерства платоновских диалогов с этапами творческого роста Платона. Таким образом, сложилась схема, ставшая на некоторое время общепринятой в платоноведении: «ранний – зрелый – поздний» Платон.

Генетический подход (в англоязычной литературе часто также используется термин «developmentalism») стал важным дополнением к шлейермахеровской герменевтике. Он сформировал второе крыло систематического направления, дополнив тезис о целостном учении Платона представлением о постепенном формировании этого учения, завершившегося в так называемом «зрелом» периоде его жизни и творчества (чаще всего называют 385 – 370 гг. до н.э.). Предложенные другими антиковедами XIX века (Э. Мунк, Ф. Ибервег, Дж. Грот) модели понимания платоновского творчества в целом также находятся в рамках системного, догматически-генетического решения платоновского вопроса [* 3].

Стилометрические исследования платоновского корпуса впервые были предприняты шотландским учёным Льюисом Кэмпбеллом во введении к его изданию диалогов «Софист» и «Политик» в 1867 году [32, с. I-XC] и затем, относительно независимо от него, продолжены Г. Диттенбергером [17] и В. Лютославски [24]. Стилометрический подход основан на нескольких идеях. Первая из них – утверждение о возможности разделения диалогов Платона на группы, объединённые устойчивыми стилистическими особенностями. Вторая – уверенность в том, что изменения в стиле платоновских сочинений связаны с постепенным развитием и совершенствованием философского учения Платона в течение всей его жизни. Третья – убеждение в том, что существует одна достаточно надёжная точка хронологического отсчёта, диалог «Законы», в подлинности которого не может быть сомнений, так же, как и в том, что это произведение – позднее.

Исследования языка и стиля платоновских сочинений преследовали ещё одну цель – выработать критерии различения подлинных и неподлинных диалогов. Задача весьма важная в свете двух обстоятельств: после выступлений по платоновскому вопросу исследователей гиперкритического направления (У. Вилламовиц-Мёллендорф и другие) не осталось, пожалуй, ни одного сочинения из платоновского корпуса, в отношении подлинности которого не были бы высказаны сомнения, и второе: в рамках доктринально-генетического подхода к текстам платоновских диалогов, принадлежность сочинения именно Платону, а не его ученикам или подражателям является существенной для его оценки. Это стремление к «подлинному», «аутентичному» Платону находится в полном соответствии с идеей объективной истории, характерной для исторического мышления XIX века.

В XX веке стилометрические исследования получили новый импульс благодаря использованию компьютерных технологий, которые существенно расширили возможности статистических (и количественных в целом) текстологических методов [23; 21]. При этом серьёзной критике подверглись результаты, ранее достигнутые классической стилометрией [28; 36]. В целом, следует сказать, что стилометрические исследования пришли к заключению о том, что сочинения платоновского корпуса, действительно, делятся на три группы, объединённые общими стилистическими и лексическими особенностями, но в каком порядке они создавались, есть ли в этом разделении содержательный смысл и кто именно является автором того или иного диалога, так и осталось неясно.

Эзотерический подход. События, получившие название тюбингенской революции, начались в конце 50-х годов XX века выходом в свет работ Ганса-Иоахима Кремера и Конрада Гайзера, которые предложили радикально новое отношение к платоновскому наследию [22; 20]. Тюбингенские авторы тоже принимают тезис о существовании концептуально целостного учения Платона, но считают, что оно носило тайный характер и излагалось устно в узком кругу учеников внутри Академии. Таким образом, в основу тюбингенской доктрины кладется идея отказа от поиска истинного учения Платона *внутри* диалогов. Один из сторонников этого подхода, Дж. Н. Финдлей, говорит, что само изучение текстов Платона, Аристотеля и Плотина привело его к следующему заключению: «Моё первое, и наиболее глубокое убеждение, состоит в том, что платоновские диалоги, взятые сами по себе, не принадлежат к тому виду произведений, в которых чьи-либо взгляды на какой-либо предмет могут быть ясно установлены: они указывают за свои пределы и без выхода за эти пределы не могут быть поняты. Глубочайшие озарения Платона, конечно, представлены в них, но, подобно морскому божеству Главку, эти озарения должны быть освобождены от большого числа преднамеренных литературных, исторических, полемических и других маскировок» [18, с. IX].

Такой поворот в изучении Платона привлек внимание к свидетельствам древних авторов о некоем эзотерическом учении Платона, которое будто бы распространялось внутри Академии и довольно сильно отличалось от того, что представлено в диалогах (в книге Дж. Н. Финдлея, так же, как и в работе Гайзера, представлено собрание этих фрагментов, подтверждающих гипотезу о неписаном учении Платона [18, с. 412-454]). Из этих сообщений наибольшее значение имеют, конечно, свидетельства Аристотеля. Так, в «Физике» он упоминает о неписаных учениях, «*ἄγραφα δόγματα*» (Ph. 209b.15) Платона, а та критика, которая разворачивается в «Метафизике» (книги М и N), комментариях Александра Афродисийского, Симпликия, Аристоксена и опровержениях Секста Эмпирика кажется направленной на учение, весьма заметно отличающееся от того, что знакомо нам по текстам платоновских диалогов. Из текстов самого Платона тюбингенские авторы уделяли сугубое

внимание тем, в которых находили подтверждение своей концепции неписаного учения (критика письма в «Федре», сходные места в письмах Платона) и явные, по их мнению, следы устного учения (речь «О благе»). Намеки и упоминания о неписаном учении Платона были известны задолго до того, как с ними выступили «тюбингенцы», но платоноведение XIX и первой половины XX века никогда не рассматривало гипотезу неписаной философии в качестве ключа к разрешению проблем философии Платона в целом. Это вполне объяснимо в свете того обстоятельства, что наука об античности сложилась, в первую очередь, как филологический проект, и сама мысль о выходе за пределы текста и недоверии к нему была для классического антиковедения крамольной. Совершенно справедливо заметила Т.В. Васильева, что только недоверие к текстам диалогов могло сделать неписаную философию Платона проблемой.

Радикализм тюбингенцев вызвал серьёзную критику их концепции. Большинство оппонентов указывали на то, что тюбингенский подход порождает проблем больше, чем разрешает, создавая дуализм двух Платонов, а вместо надёжной опоры на тексты (даже несмотря на полемику вокруг их подлинности) отправляется к источникам фрагментарным, почти наверняка искажающим платоновскую мысль, часто отделённым значительным периодом времени от жизни Платона [7, с. 221]. Однако, даже самые радикальные критики признавали значение тюбингенского поворота в становлении новых подходов к изучению платоновского наследия. Именно работы Кремера и Гайзера послужили своеобразным катализатором в процессе появления новых концепций в платоноведении и дали повод для нового пересмотра методологических оснований прочтения Платона.

Эзотерическая **концепция Лео Штрауса** возникла без всякой видимой связи с работами авторов из Тюбингена, хотя, возможно, мощным провоцирующим толчком для Штрауса, как и для тюбингенцев послужили работы Гарольда Чернисса [13; 14]. У нас Лео Штраус известен как политический мыслитель консервативного направления, последователь Карла Шмитта и учитель американских неоконсерваторов. Политическая философия Штрауса и его последователей, число которых достаточно велико (в американской литературе по отношению к этому движению применяется термин «*straussianism*»), обращается к древним учениям, конечно, для решения собственных задач, но при этом вырабатывает весьма специфичный и нестандартный вариант историко-философского исследования, в том числе и в отношении платоновского вопроса.

Штраус исходит из предположения о том, что Платоном было разработано собственное систематизированное учение, которое было не чем иным, как политической философией в собственном смысле этого слова (в отличие от политической науки Модерна): «Платону была важна не только возможность философии как существование самого философа, но и ее аналогия устойчивому политическому порядку» [31, с. 365]. Сущность платоновской философии как таковой заключается в познании того, что есть благо и того, что есть хорошее общество.

Но Платон не имеет возможности излагать свои взгляды прямо, и это не частный случай Платона: философ всегда находится в противоречии с современным ему обществом; философия, мысля мужественно и последовательно, доходит в своем мышлении до опасных пределов. Сущующее общество, которому философ демонстрирует его несовершенство, сталкивая его с идеальной конструкцией *καλλίπολις*, мстит философу и стремится защититься от философской критики. Штраус утверждает, что противоречие философии и общества радикально и неразрешимо: «Общество не признавало философию или право на философствование. Между обществом и философией не было гармонии, и философы были далеки от того, чтобы быть выразителями интересов общества или партий. Они защищали интересы философии и никого более. Поступая так, они действительно верили в то, что защищают высшие интересы человечества. Экзотерические учения были необходимы для того, чтобы предохранить философию от преследований. Эти учения – своего рода доспехи для философии, форма, в которой философия появляется и становится видимой для политического сообщества» [30, с. 17-18]. Итак, Платон, как и некоторые другие философы, вырабатывает, по мнению Штрауса, особую эзотерическую форму письма, для того чтобы избежать преследований.

Для адекватного прочтения такого текста нужен, прежде всего, особый читатель, достаточно проникательный для того, чтобы не обмануться теми ложными образами идей, которые Платон подбрасывает профанам, чтобы убедить их в своей благонамеренности. Во-

вторых, проницательному читателю необходимо овладеть особым методом «чтения между строк» («writing between the lines») [30, с. 30-33]. Штраус обращает внимание на анонимность Платона в диалогах, одновременно подвергая критике теорию «рупора» (согласно которой, выразителем истинных идей Платона в диалогах является Сократ) и приходит к выводу, что учение Платона в диалогах все же присутствует, но в распыленном, дисперсном, состоянии – в словах различных, иногда случайных, персонажей. «Чтение между строк» основано на понимании того, что взгляды автора диалога не могут однозначно быть идентифицированы с взглядами, высказываемыми кем-то из персонажей. Множество мнений, высказанных в диалоге – это те самые деревья, за которыми скрывается лес, истинное учение автора [30, с. 30]. [* 4]

«Третья парадигма»: драматический подход.

В предисловии к коллективной работе «Третий путь: новые направления в исследованиях Платона» Ф. Гонсалес таким образом резюмирует ситуацию, сложившуюся в платоноведении во второй половине XX века: «Унитаристская, генетическая (developmentalist) и «эзотерическая» парадигмы могут быть рассмотрены, как пытающиеся объединить распространённую концепцию философии Платона, в качестве «систематической», с явно несистемной, фрагментарной и открытой (open-ended) формой его произведений. Альтернативой этой «догматической» парадигме является «скептическая» парадигма. Если эта последняя сама по себе является ущербной, как я это утверждаю, тогда требуется третья парадигма, отличающаяся от любой из названных Реале» [33, с. VIII]. [* 5] Эта парадигма, устраняющая, как считают её сторонники, недостатки и односторонности предшествующих способов прочтения Платона получила название драматической (жанровой, диалогической). Её сторонники еще раз обращают внимание на то, что догматическое видение Платона (в различных версиях) изначально доминировало в платоноведении и, следовательно, именно его сторонники отвечают за все упущения в исследованиях платоновских текстов: Спевсипп и Ксенократ уделяли платоновским диалогам ровно столько внимания, сколько требовалось для создания из их материала целостных концепций, где самостоятельное творчество подкреплялось тенденциозно направленной интерпретацией Платона. Так было в германской и английской науке 19 века, так обстояло дело еще в середине 20 века. Идея концептуально целостного учения Платона хорошо сочеталась с аналитической методологией, освящённой чрезвычайно авторитетными (особенно для англоязычной историко-философской науки) именами: «Платоновские исследования, подобно всей остальной философии, были широко представлены в «аналитическом стиле», в котором первенствовали Властос и Оуэн, затем продолженным их учениками (такими, как Акрилл и Вильямс) и учениками их учеников (Эннес, Барнс). Аналитические платоновские исследования ищут обоснование доктрины Платона, игнорируя или даже скрывая драматические элементы в пользу аргументов, «рационально реконструированных» и руководствуются интересом разрешения современных философских проблем. То, что у Платона *была* доктрина, здесь предполагается и не подлежит обсуждению. В крайних случаях от драматического элемента отказываются или даже устраняют его (как Корнфорд в «Государстве») и интерпретаторы имеют дело больше с собственными теориями, чем с платоновскими» [26, p VII].

Авторы, придерживающиеся драматического подхода, предлагают обратить внимание на драматическую форму сочинений Платона, считая особенности драматургии Платона существенными для понимания сути платоновской философии. При этом, полагают они, неминуемо придётся пересмотреть вопрос о том, насколько могут быть отнесены к ней те концепции, которые традиционно считаются платоновскими: теория идей, бессмертия души, знания как припоминания. Естественно, что такое чтение Платона, при котором в стороне оказываются важнейшие, как ранее казалось, темы, первоначально было встречено настороженно и первые работы видных сегодня платоноведов драматического направления – Ч. Кана, Дж. Пресса, В. Техеры носили ярко выраженный полемический характер. В дискуссиях вокруг этих работ и сформировались основные принципы стратегий драматического чтения платоновских диалогов. Драматический подход к Платону исходит из презумпции компетентности автора, предполагая, что использование сложной композиции полилога является необходимым и оправданным основной целью произведения. Целью платоновского диалога не является утверждение определённой концепции, пусть даже и через опровержение противоречащих ей взглядов (а только это могло бы оправдать присутствие в

диалогах всех этих второстепенных персонажей) – слишком часто повторяется ситуация, когда диалог заканчивается, по всей видимости, ничем. Так же, как и у Л. Штрауса, серьёзные сомнения у сторонников драматического подхода вызывает идея привилегированности в диалогах именно сократовской точки зрения. К примеру, то, что Сократ защищает тезис о бессмертии души в «Федоне» ясно, но для «диалогистов» не ясно, является ли целью «Федона» убедить читателя в том, что душа бессмертна?

В диалогах Платона всегда представлено множество аргументативных структур, но можно ли утверждать, что только одна из них поистине выражает точку зрения самого Платона? Доктринальное понимание утверждает, что это так и есть, тогда, как чтение Платона с позиции драматического подхода исходит из убеждения, что сама философская природа вопросов, обсуждаемых в диалогах, не предполагает возможности окончательного ответа на них. Платон, по их мнению, сознательно оставляет диалоги принципиально открытыми, предлагая множество путей дальнейшего развития мысли. Эту открытость платоновских диалогов большинство сторонников драматического подхода стараются сохранить и в собственных исследованиях, когда утверждают необходимость комплексного подхода к творчеству Платона, в котором содержательные и формальные аспекты диалогов заняли бы своё место, а драматическое и доктринальное прочтение дополнили бы друг друга. При этом многие вопросы, традиционные для платоновских исследований, приобретают в драматическом прочтении новое звучание (роль Сократа и его собеседников в диалогах, общий смысл и значение отдельных диалогов в платоновской философии в целом, отношение между диалогами, «диалог диалогов» и т.д.), другие оказываются поставленными по-новому (соотношение риторического и логического, роль умолчаний и иносказаний в диалогах, анонимность фигуры самого Платона).

Подводя предварительные итоги рассмотренному, мы можем констатировать, что именно благодаря драматическому прочтению, в котором платоновские тексты стали предметом широкого нарратологического исследования, мы, наконец, можем наблюдать признаки преодоления того отчуждения платоноведческих парадигм друг от друга, о котором мы говорили в начале нашей статьи. Методологическая толерантность драматической парадигмы оказалась настолько привлекательной для исследователей, что на протяжении последних двух десятилетий нарратология Платона стала одной из основных стратегий платоноведения и в настоящее время успешно конкурирует с традиционной историко-филологической и аналитической методологией в этой области исследований. Во многом благодаря этому, исследователи античности открыли для себя перспективы усвоения тех идей европейской философии, которые изначально были довольно далеки от платоноведческой проблематики: М. Бахтина, Х.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера [19; 16; 35].

Результатом стало появление таких новых подходов к прочтению Платона, которые носят синтетический характер и уже не могут быть однозначно отнесены ни к одной из выделенных нами парадигм: «двухуровневый подход» Х. Теслеффа [34], «вызывающий» подход М. Берд [12], концепция мультичтения Дж. Пресса [27]. [* 6] Мы видим в этом обнадеживающий знак не только для платоноведения, но и для философии в целом. Как верно замечено, «есть верная культурологическая примета: если появляются радикально новые прочтения Платона, значит, жди больших перемен» [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

* 1. А. Хруст утверждает, что это разделение диалогов, тематическое на тетралогии, как у грамматиков, или прагматическое, как у Диогена Лаэртца, восходит еще к практике преподавания в Древней Академии [15, с. 37].

* 2. Некоторые авторы [см. например: 25] утверждают, что начало этой традиции можно проследить еще в Древней Академии. На наш взгляд, подобные утверждения не являются убедительными.

* 3. Обзор и подробный анализ основных концепций платоноведения XIX в. дан в классическом труде Э. Целлера «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung» [см. в переводе на англ.: 37, с. 92-119].

* 4. Встретившаяся нам работа А.Т. Геворкяна [4] излагает совершенно штрауссианскую концепцию иносказательного прочтения Платона, при том, что эзотерическая концепция Лео Штрауса, конечно же, никогда не освещалась в антиковедческой литературе

советского периода и, судя по списку литературы и истории создания иносказательного подхода в 80-е годы прошлого века, освещенной самим А.Т. Геворкяном [4, с. 148-155], с работами Штрауса автор указанной работы знаком не был.

* 5. О скептической парадигме прочтения Платона, которой мы не уделили отдельного внимания см., напр., в работе Дж. Эннес «Платон – скептик» [11]. Упоминание о Дж. Реале вызвано полемикой с его концепцией трёх парадигм: неоплатонической, классической (1800 – 50-е гг. XX в.) и эзотерической в работе «I tre paradigmi storici nell'interpretazione di Platone e i fondamenti del Nuovo paradigma» (Napoli: Istituto Suor Orsola Benincasa, 1991).

* 6. Подход к текстам Платона как таким, которые предполагают многократное чтение на различных уровнях в соответствии с платоновским учением о многоуровневости знания представлен также в замечательной книге Т.В. Васильевой [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Т.В. Писаная и неписаная философия Платона / Т.В. Васильева // Поэтика античной философии. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – С. 503-529.
2. Васильева Т.В. Платоновский вопрос сегодня и завтра / Т.В. Васильева // Вопросы философии. – 1993. – № 9, с. 110-125.
3. Васильева Т.В. Путь к Платону / Т.В. Васильева // Поэтика античной философии. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – С. 217-397.
4. Геворкян А.Т. Тайна Платона. Текст лекций / А.Т. Геворкян. – Ереван: Чартарагет, 2008. – 144 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. / Г.В.Ф. Гегель; [Перевод с нем.]. – М.: Партийное издательство, 1929 – 1958. – Т. 10. – 1932. – 440 с.
6. Доброхотов А.Л. Т.В. Васильева. Путь к Платону. Любовь к мудрости, или Мудрость любви / А.Л. Доброхотов // Новый мир. – 2000. – №3. Цит. по Интернет-ресурсу. – Режим доступа к журналу: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/3/dobroh.html
7. Канто-Спербер М. Греческая философия: в 2-х т. / М. Канто-Спербер, Дж. Барнз, Л. Бриссон, Ж. Брюнсвиг, Г. Властос; [перевод с французского В.П. Гайдамака] – М.: Издательство «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2006. – Т.1. – 2006. – 499 с.
8. Мочалова И.Н. Метафизика Ранней Академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля / И.Н. Мочалова // АKADEMEIA. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. [Под ред. д-ра филос. наук Р.В. Светлова и канд. филос. наук А.В. Цыба]. – 2000. – Выпуск 3. – С.226-264.
9. Прокопенко В.В. О софистических диалогах Платона / В.В. Прокопенко // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: філософія. Філософські перипетії. – 2011. – № 952(43). – С. 30-41.
10. Соловьёв В. С. Собрание сочинений: в 10 т. / Владимир Сергеевич Соловьёв; [под ред. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова]. – СПб.: Просвещение, 1897 – 1900. – Т. 10. – 527 с.
11. Annas J. Plato, the sceptic / J. Annas /Oxford Studies in Ancient Philosophy. – New-York: Oxford University Press. – 1992. – Supplement. vol. – pp. 43-72.
12. Byrd M. The Summoner Approach: A New Method of Plato Interpretation / M. Byrd // Journal of the History of Philosophy. – 2007. – Vol. 45, no. 3. – pp. 365-381.
13. Cherniss H. Aristotle's Criticism of Plato and the Academy / H. Cherniss. – Baltimore and London: Johns Hopkins Press; Oxford University Press, 1944. – Vol. 1. – 610 p.
14. Cherniss H. The Riddle of the Early Academy / H. Cherniss. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1945. – 104 p.
15. Chroust A. The Organization of the Corpus Platonicum in Antiquity / A. H. Chroust // Hermes. – 1965. – Vol. 93, No. 1. – pp. 34-46.
16. Corrigan K. Plato's dialectic at play: argument, structure, and myth in the Symposium / K. Corrigan and E. Glazov-Corrigan. – University Park: The Pennsylvania State University Press, 2004. – 266 p.
17. Dittenberger W. Sprachliche Kriterien fur die Chronologie der platonische Dialoge / W. Dittenberger // Hermes. – 1881. – №16. – pp. 321-345.
18. Findlay J. Plato the Written and Unwritten Doctrines / J.N. Findlay. – London: Routledge and Kegan Paul, 1974. – 484 p.

19. Gadamer H.-G. Platon als Porträtist / H.-G. Gadamer // *Gesammelte Werke*. – Tübingen: J.C.B. Mohr, 1991. – . – Vol. 7. – pp. 228-257.
20. Gaiser K. Platons ungeschriebene Lehre. Studien zur systematischen und geschichtlichen Begründung der Wissenschaften in der Platonischen Schule / K. Gaiser. – Stuttgart: E. Klett Verlag, 1963. – 573 s.
21. Howland J. Re-reading Plato: The Problem of Platonic Chronology / J. Howland // *Phoenix*. – 1991. – № 45. – pp. 189-214.
22. Krämer H. Arete bei Platon und Aristoteles; zum Wesen und zur Geschichte der platonischen Ontologie / H.J. Krämer. – Heidelberg: C. Winter, 1959. – 600 s.
23. Ledger G. Recounting Plato: A Computer Analysis of Plato's Style / G. R. Ledger. – Oxford: Clarendon Press; Oxford University Press, 1989. – 268 p.
24. Lutoslawski W. The Origin and Growth of Plato's Logic, with an Account of Plato's Style and of the Chronology of his Writings / W. Lutoslawski. – London: Longmans, Green and Co., 1897. – 547 p.
25. Novotny F. The Posthumous Life of Plato / F. Novotny. – The Hague: Nijhof, 1977. – 664 p.
26. Plato's dialogues: new studies and interpretations / [edited by Gerald A. Press]. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 1993. – 277 p.
27. Press G. Plato: A Guide for the Perplexed / Gerald A. Press. – London & New York: Continuum, 2007. – 240 p.
28. Robinson T. Plato and the computer / T.M. Robinson // *Ancient Philosophy*. – 1993. – № 13. – pp. 375-382.
29. Schleiermacher F. Vorerinnerung // *Platons Werke von F. Schleiermacher*. – Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1804 – 1828. – (Bd. 1-3) / Ersten theiles erster band, s. 3-52. В перекладі на англ.: Schleiermacher F. General Introduction / *Schleiermacher's Introductions to the Dialogues of Plato*. – Cambridge: Pitt Press. – 1836. – pp. 1-47.
30. Strauss L. Persecution and the art of writing / L. Strauss. – New York: Free Press, 1952. – 204 p.
31. Strauss L. What is Political Philosophy? / L. Strauss // *The Journal of Politics*. – 1957. – Vol. 19. – pp. 343-368.
32. The Sophistes and Politicus of Plato / [with a revised text and English notes by the rev. Lewis Campbell]. – Oxford: Clarendon Press, 1867. – 588 p.
33. The Third Way: New Directions in Platonic Studies / [ed. by Gonzalez F. J.]. – Lanham: Rowman & Littlefield, 1995. – 269 p.
34. Thesleff H. Studies in Plato's Two-Level Model / H. Thesleff. – Helsinki: The Finnish Society of Sciences and Letters, 1999 – 143 p.
35. Warnek P. Reading Plato before Platonism (after Heidegger) / P. Warnek // *Research in Phenomenology*, 1997. – № 27. – pp. 61-89.
36. Young Ch. Plato and Computer Dating. / Ch. M. Young // *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. – New-York: Oxford University Press, 1994. – Vol. 12. – pp. 227-251.
37. Zeller E. Plato and the Older Academy / E. Zeller; [transl. S. F. Alleyne and A. Goodwin]. – London: Longmans, Green, And Co., 1888. – 476 p.